

Борис Акунин: «Что происходит с Россией»

The complete 79-minute video recording of this interview is published on the YouTube channel [ВДудь](#), created and hosted by [Юрий Дудь](#), a video blogger, journalist, and radio and television host.

A Wikipedia article on the life and work of Boris Akunin (Григорий Шалвович Чхартишвили) is available at [this URL](#).

This transcript was prepared by Viktoria Tsimberov for her Russian language course. The interview was segmented to fit the format of her course.

The time points refer to the YouTube publication.

Segment 17

ПРОПАГАНДА В СОВЕТСКОЙ ШКОЛЕ

41:58

Дудь: Ещё одна катастрофа - это то, как это подаётся в школах сейчас. Ну, для... с средним... внутри среднего образования. Тоже звучат фразы про фашизм, нацизм и борьбу именно с ними на территории... с Украиной.

Акунин: Вы в какие годы учились в школе, Юрий?

Дудь: С 93-го по 2003-й.

42:26

Акунин: Ага. Поэтому... я учился в совсем другие годы. И тот яд, который вливали в уши нам тогда, вам даже и невообразим и невообразим даже нынешним детям. Понимаете, дети они очень гуттаперчевые. А этот мусор через уши пройдёт и выльется. Я бы этого так сильно бояться не стал. Чему меня только в советской школе не учили! Всё это ветер унёс. Не делайте из этого трагедии.

Дудь: Пример самого большого бреда, который вы, как школьник, потребили, когда учились?

Акунин: Ну, самый большой бред, конечно, - это любовь к дедушке Ленину. Я в детском саду рос под его портретом. Он мне ужасно нравился. «Когда был Ленин маленький с кудрявой головой, он бегал в школу в валенках по какой-то там мостовой...» Вот, и всё своё детство я очень любил Владимира Ильича, действительно. Вот, и, например, у нас в школе висел плакат про... Два ребёнка: советский пионер и там на фоне небоскрёбов какой-то, значит, несчастный этот самый американский ребёнок, роющийся в мусорном баке. И я так жалел этого ребёнка, что ему не повезло родиться в Соединённых Штатах. И так думал: «Как же мне всё-таки подфартило, так сказать, родиться в этой лучшей на свете стране!» Знаете, после такой школы, я бы никакого детского воспитания сильно не боялся бы.

Дудь: А что говорили ваши родители, когда вы так учились? Или они были идейными?

Акунин: Нет. Они ... Нет, они не были идейными, но это были 60-е годы. Мои родители были нормальные шестидесятники. Они выросли как бы в ощущении, что вот Сталин плохой, а Ленин хороший.

Дудь: А, вот так?

Акунин: Да, тогда носили... так... И то, про то, что Сталин плохой надо было говорить шепотом, чтобы я не слышал. Но у меня, конечно, квартира была маленькая, а ухо было большое.

Дудь: То, что советские люди не могли говорить то, что думают, а иногда и не могли думать то, что думают. А это большая травма?

Акунин: Если не могли думать - то это большая. Если не могли говорить, то в этом есть и минусы и плюсы. Я, например... Вот, у меня было время в 80-е годы, до перестройки, когда я ужасно себя жалел. Думаю: «Елки-палки, ну почему я родился в этой скучной, бездарной стране, не имеющей будущего? Ну, ведь здесь же никогда ничего не будет. Здесь всегда будет сменяться Черненко Брежневым, Сусловым и так далее. Вот, я так здесь и сдохну. Какой же я несчастный!» А теперь я думаю, что мне, на самом деле, очень повезло, что я родился в этой сложной и ... в стране, которая заставляет думать тебя собственными мозгами в очень раннем возрасте.

45:00

Потому что ты попадаешь в переходный возраст, там в 14 лет,.. я вдруг понял, что у меня в голове появляются собственные мысли. Это совершенно незабываемое, поразительное ощущение. Это была игрушка, с которой я ходил. И я всё время вдруг впервые думал. «Так, это так. Это, наверное, не так. Это правда. Это тупа». А потом меня озаряло что-нибудь совершенно невероятное. Я открывал какой-нибудь, этот самый... изобретал велосипед, потому что мне про это никто вокруг не говорил. Мы все очень рано повзрослели. Вот эта привычка к двоемыслию, к фильтрации, что можно говорить, а что нельзя говорить, с кем можно говорить, с кем нельзя говорить - это с одной стороны плохо, с другой стороны хорошо.

Я когда общался со своими сверстниками, там, из свободных стран, я чувствовал себя гораздо взрослее. У меня было гораздо больше развито, так сказать, вот этот что ли... фильтр, критическое мышление.

Дудь: Ну, вы согласны, что всё-таки немножко это звучит ещё и так, как... Классно находить везде плюс, но в целом это немножечко звучит так же, как: «Отец бьёт меня и мать. Это конечно не очень хорошо, но зато мой болевой порог гораздо выше, чем у остальных».

Акунин: Да-да. И как хорошо, что у меня одна нога!» Да, я понимаю. «Сколько я экономлю на втором сапоге!» конечно, но я вообще, так сказать, стараюсь всю жизнь стараюсь быть позитивистом, что требует определённого мужества, иногда серьёзных усилий, например сейчас. Но так жить на свете интереснее.

46:45